

Марина Вольф, Павел Бутаков, Игорь Берестов

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Наш проект посвящен «аналитической истории античной философии». Что скрывается за этими словами? Такой подход широко распространен в англо-американской традиции, но практически не известен в постсоветской историко-философской литературе [Barnes, 1982; Lloyd, 1998; Dancy, 2004; Graham, 2006, etc.]. Интерпретации философских учений античности (от раннегреческих до позднеантичных), предлагаемые в рамках данного подхода, призваны раскрыть аргументацию в тексте философа. Этот подход предполагает обоснование определенных философских положений, четкое видение проблемы, стоявшей перед философом, особенности ее постановки. Для нас важны установление имплицитной проблемности текста, средства (аргументация) и логика изложения философом своих концепций, а также внимание к эпистемической проблематике в античных текстах, т.е. к вопросам соотносительности языка, мышления и познания, проблематике выбора наилучшего объяснения и т.п. Чтобы прояснить свою позицию, мы поставим ее в контекст существующих способов исследований в области истории философии.

В истории философии существует множество зарекомендовавших себя жанров, вполне уважаемых и состоятельных, таких как «история идей», «компаративистика», «хронологический подход», «телеологический подход»¹. Все эти жанры, кроме последнего, хороши для выяснения тех аспектов в философских текстах и в обстоятельствах их возникновения, которые можно было бы условно назвать «нефилософскими» (или как часто пишут, мировоззренческими). Их методы позволяют проследить истоки терминологии у того или иного философа, установить сходство положений и терминов у разных философов, привести некоторые основания в пользу предположений о заимствованиях и влияниях, а также историю возникновения и развития предпосылок философских построений, например, социальных, политических и мировоззренческих. Что касается философского «телеологического подхода», то его ключевым отличием является признание конечной цели развития всего историко-философского процесса, причем этой целью, смыслом и результатом истории философии оказывается учение конкретного отдельного философа или философского направления (Гегель, Маркс, Хайдеггер). Первым представителем такого жанра можно по праву считать Аристотеля и Ликей. Очень важно отметить, что общим для представителей такого подхода оказывается признание ошибочности или несостоятельности предшествующих философских учений, которые только подготавливали почву для прихода «истинного знания» и, по мере развития процесса, должны быть «сняты».

© М. Вольф, П. Бутаков, И. Берестов, 2013

¹ О некоторых из них подробнее см.: [Вольф, Берестов, 2007; Вольф, 2012: с. 25–46].

Однако зачастую сторонники «телеологического подхода» прежде всего заинтересованы в том, чтобы включить древних философов в современные нам дискуссии, и в меньшей степени нацелены на реконструкцию той философской полемики, которая была актуальной для самих исследуемых авторов. Это таит в себе опасность превратить своего античного собеседника из невольного в безвольного, а из безмолвного (коль скоро за него говорят только его тексты), – в бессловесного (коль скоро нет новых аргументов сверх тех, что он предлагал *ad hoc* в той ситуации и для той проблематики, а иных он предложить уже не сможет), такого, который безропотно будет терпеть весь натиск яростной критики в свой адрес, за то, что «он ведь еще не понимал!» И мы забываем задать себе вопрос – а должен ли был понимать? Те ли самые вопросы он ставил перед собой, решал ли те же проблемы? Общий смысл «телеологического подхода» можно выразить так: древние философы оцениваются в зависимости от того, насколько реконструируемые современными интерпретаторами решения совпадают с идеалом самого интерпретатора.

Кроме того, представители всех вышеупомянутых жанров, как правило, не стремятся оценить наличие и силу аргументации, указать на ее особенности, ее устойчивость и мощность. Зачастую аргумент принимается за конкретную философскую мысль. В качестве примера можно вспомнить Гераклита, чьи аргументы, призванные обосновать какой-то конкретный тезис в его рассуждениях, принимаются за самостоятельную концепцию. Такова, например, история возникновения гераклитовской «теории потока», усматриваемой в знаменитом тезисе «Все течет, все меняется» (40 Mch), которого Гераклит не произносил, но, по свидетельству Клеанфа, полагая душу «чувствительным испарением», образно выразил эту мысль как «“души испаряясь влажными вечно рождаются”, *уподобил* (Курсив наш. – Авторы.) их рекам, говоря так: “На входящих в те же самые реки притекают в один раз одни, в другой раз другие воды”»². Таким образом, не желая видеть здесь рассуждения, интерпретаторы (в том числе и античные) приписали Гераклиту этот тезис в качестве положения его учения, а не аргумента по аналогии, каковым он и является.

Таким образом, если мы рассматриваем текст как *историки философии*, а не *философы*, то должны прежде всего обращать внимание на ту проблематику, в решении которой был вовлечен исследуемый автор, и эта проблематика должна быть современной и актуальной для него, а не для его интерпретатора. Быть включенным в определенную проблематику – значит явно или неявно обозначить проблему и предложить варианты ее решения, предъявить доводы «за» или «против» определенных положений или концепций. Для нас очевидно, что усмотрение философского содержания любого текста – это понимание и видение в нем аргументации. Ведь отсутствие четкого понимания аргумента может помешать внятно ответить на вопрос: собственно, историю *какой именно* проблемы или аргумента мы, как историки философии, пытаемся написать?

Так мы подошли к одному любопытному спору, который давно ведется в российской историко-философской антиковедческой литературе и особенно характерен для досократических штудий. Это спор о том, кто должен заниматься историей философии, а вернее какая из методологий наиболее адекватна задачам данной дисциплины: историческая, если ставить акцент на первом слове, философская, если смещать акцент на второе слово, или филологическая, уже не первую сотню лет

² Цит. по: [ФРГФ, 1989]. О дискуссии по этому поводу см. также в [Щербакова, 2012].

задающая тон в антиковедческих исследованиях. Наиболее показательна эта дискуссия развернулась на страницах российского журнала «Логос» (2011, № 4), где встретились два ярких представителя своей методологии: С.Н. Муравьев, выражающий точку зрения филологии, и философ А.В. Ахутин. Дискуссия касалась фрагментов Гераклита [Муравьев, 2011; Ахутин, 2011]. Мы не будем излагать ее в подробности, но в общем виде обозначим ее основные моменты, касающиеся каждой из обозначенных дисциплин в контексте истории философии.

Филология нацелена преимущественно на текстологическую работу, «филологическую реставрацию» [Муравьев, 2011: с. 23] текста с учетом конъектур, грамматики, способов прочтения и проч., оставляя за скобками философское содержание текста и проблематику, то, ради чего этот текст и был написан, поскольку эти вещи оказываются не «в тексте», а «за текстом», тем более это верно, когда мы имеем дело с фрагментами и осколками трактатов. Историки озабочены установлением конкретных фактов и объективных истин о событиях прошлого. Это справедливо, если речь идет о сопутствующих обстоятельствах написания текста философом, но что считать историческим фактом в отношении содержания философского текста? Ответить на этот вопрос можно в контексте историографии и источниковедения. Для историографии важным моментом оказывается фокус на объективном содержании и его отделение от интерпретации (что, заметим, крайне затруднено для фрагментарных источников, или для текстов, обильно цитирующих, имитирующих или ссылающихся на другие), и если эта задача затруднительна – а она будет таковой в силу распространенной установки на *презумпцию виновности источника* [Муравьев, 2011: с. 11], – тогда на помощь приходит источниковедение, и все силы оказываются брошенными на установление некоторого Первоисточника (текста или свидетельства, не испорченного многократным пересказом, переписыванием и проч.). Но, к сожалению, вся эта одиссея вокруг *ipsissima verba* и *ipsissima vox* имеет малое отношение к установлению собственно философского содержания того текста, которым мы располагаем.

Что касается нашего проекта, то сразу следует оговорить ту позицию, которую мы намерены занять в этой дискуссии. Наши исследования – это не исследования в области филологии. Разумеется, как справедливо замечает Дж. Барнс [Barnes, 1982: р. ix, xii], полностью исключить этот момент из историко-философского исследования практически невозможно, да и не нужно. Мы согласны с тем, что филология уже проделала значительную работу в этой области, ее результаты впечатляющи, они заслуживают доверия и их вполне можно использовать как определенную стартовую площадку для дальнейших исследований. Что касается истории, здесь мы снова солидаризируемся с тем, что сказал Барнс [Ibid.]: идея того, что мыслитель может быть понят, исходя из его исторического, политического или экономического фона – банальна, но любого рода фон для мысли – это только фон, и вряд ли он сможет улучшить наше понимание спекулятивной философской проблематики, тем более, если мы стоим на позиции признания вечности, универсальности и принципиальной нерешаемости собственно философских проблем, и в этом смысле они в большинстве своем оказываются исключены из контекста конкретного исторического пространства-времени. В таком случае нам может быть предъявлен упрек в том, что наши исследования являются *анти-* или *а-* историческими³, но всё, на наш взгляд, определяется

³ Эта тема достаточно актуальна, насколько удастся судить, и в украинской философской литературе. См. например: [Довгополова, 2012].

тем, историю чего мы собираемся писать, и историк философии прежде всего должен ответить себе на этот вопрос [Ахутин, 2011: с. 30]. Мы понимаем историю философии как историю конкретных проблем и содержания аргументов, и в этом случае, по меньшей мере, было бы странно ставить структуру конкретного рассуждения или аргумента в зависимость от пространственно-временных или социально-политических оснований: обыденные реалии, разумеется, могут привлекаться в качестве аргументов, но вряд ли существенно влияют на способность критического мышления.

Что касается источниковедческих подходов, то здесь ситуация складывается примерно так же, как с филологией: разумеется, мы можем до бесконечности совершенствовать наши источники, спорить, например, об их аутентичности и датировке, но даже те источники, которыми мы уже располагаем, предоставляют нам значительный пласт информации. И здесь следует отметить очень важный момент, который принципиально отличает наш подход от исторического: нам важна не фактуальная фиксация того или иного высказывания или положения, а его контекстуальная интерпретируемость. Философские положения не только могут, но и должны быть включены в конкретную интерпретацию, более того, если мы можем предложить несколько интерпретаций, следует это сделать, дабы избежать догматического видения конкретного учения. В нашем случае интерпретация – это ключевая составляющая подхода, потому что и суть дискуссии, собственно обсуждаемая проблема, и аргументы за и против в каком-то смысле лежат «за текстом»⁴. Для исторического подхода этот момент – *overinterpretation*, для нас – исходный пункт работы с учением. Это сближает наш подход с философами, но как мы уже заметили, для нас в определении философии важны не столько идеи и концепции, или *дух времени*, мировоззренческий идеал, воплощенный в конкретном тексте, сколько проблематика, вокруг которой строится текст и аргументы, используемые в нем философом, не «глубинный смысл эпохального», а логика изложения мысли. Для нас важно установить не то, какие внешние причины заставили философа занять определенную позицию, а то, какие предпосылки он использовал в своем рассуждении, и какие основания у него были принять то или иное положение, как он их аргументировал.

Одним из перспективных объектов для применения аналитического историко-философского метода являются патристические тексты, т.е. произведения ранних христианских авторов. Как уже было сказано, аналитические исследования раннегреческих и классических философских текстов ведутся уже давно и приносят свои плоды, что же касается подобного подхода к изучению творчества церковных мыслителей, то здесь еще рано говорить о значимых результатах. До сих пор изучение патристического наследия было уделом богословов, филологов и историков, что же касается философов, культурологов и религиоведов, то их обращение к патристике зачастую сводилось лишь к поиску подходящих цитат, которыми можно было подкрепить их собственные теории. При этом, почти все философы, проявлявшие хоть какой-то интерес к древним церковным текстам, принадлежали к континентальной традиции, в

⁴ Редкий критик четко и последовательно прописывает все точки зрения своих оппонентов, конкретную проблему, которую они решают и способы возражения. Для античности таких «объективных» текстов мы назвать не можем, доксографический жанр, порожденный историческими проектами Ликия ангажирован и ограничен «эпистемами» аристотелизма. Образцовой в этом отношении можно считать средневековую полемику аль-Газали («Намерения философов» и «Опровержение философов») и ибн Рушда («Опровержение опровержения»), но это скорее исключение, чем правило.

то время как представители аналитического направления до недавних пор старательно обходили стороной эту часть европейской интеллектуальной традиции. Нежелание аналитических философов связываться с богословскими текстами, по-видимому, обусловлено их традиционным пренебрежением к любым формам метафизики, однако в последнее десятилетие даже этот вековой барьер начал постепенно разрушаться, о чем, например, свидетельствует успешное развитие проекта «Аналитическая теология» [Analytic Theology, 2009]. Двадцатый век снабдил философов мощным аналитическим инструментарием, позволяющим по-новому подойти к рассмотрению и теологических проблем, и богословских текстов. Но, несмотря на успехи аналитиков в области философской теологии, применение аналитического историко-философского подхода к изучению патристики все еще находится в зачаточном состоянии.

Какой интерес представляют для нас древние церковные тексты? Прежде, чем ответить на этот вопрос, необходимо сначала указать на то, что лежит за пределами нашей сферы интересов и что отличает нас от других читателей этих текстов. В отличие от богословов, веками изучавших святоотеческое наследие в поисках оснований для догмы и практики, мы не ставим перед собой такую задачу. Каковы бы ни были религиозные убеждения исследователя, при аналитическом историко-философском изучении текста интерес представляет не столько точка зрения древнего автора, сколько те средства, которыми он обосновывает эту точку зрения. Ответ на вопрос о том, насколько «ортодоксальным» или «еретичным» является изложенное в тексте учение, не входит в компетенцию аналитического историка философии. Для нас даже не так важно раскрытие содержания ключевых богословских понятий – гораздо интереснее то, как эти понятия связываются в суждения; нас заботит не истинность этих суждений, а то, как из них строятся умозаключения; вместо вопроса о соответствии теории реальному положению дел в мире мы обращаем внимание на внутреннюю непротиворечивость построенных теоретических моделей. Поэтому мы не претендуем на соперничество с традиционным богословским прочтением патристики и не стремимся создать новую историю церковной доктрины, так как принципиально не ставим перед собой задачу оценивать, кто в истории догматических споров был «прав» или «неправ» и кто кого «правильно» или «не правильно» понял.

Помимо богословов, специалистами по патристике являются филологи. Во второй половине XX века в европейской филологической науке произошел значительный прорыв в области исследования патристических текстов⁵, который позволил по-новому взглянуть на процесс создания церковной литературы. Благодаря развитию информационных технологий появилась возможность проводить сравнительный анализ огромного корпуса античных текстов и находить в нем ранее не замеченные языковые параллели между христианскими и прочими произведениями той эпохи. Успехи филологов оказались столь ошеломительными, что теперь многие богословы и философы считают, что никакое изучение древних текстов не может быть проведено на должном научном уровне, если оно не будет сопровождаться перечнем ключевых терминов, словосочетаний и метафор, встречающихся помимо исследуемого текста в других источниках, а также выдвижения гипотез о возможном влиянии одних авторов на других. В этой связи необходимо еще раз подчеркнуть то, о чем было сказано ранее: наши исследовательские задачи не требуют погружения в филологическую проблематику.

⁵ Характерным примером указанного направления исследований является недавно переведенная на русский язык монография: [Морескини, 2011].

Наша методология основана на презумпции доверия результатам работы наших коллег-филологов. Мы полагаем, что подготовленные ими издания переведенных на современные языки патристических текстов являются достаточными для проведения историко-философского анализа, и не считаем необходимым самим погружаться в филологию и источниковедение. Более того, реконструкция внутренней структуры аргументации чаще всего не требует сравнения исследуемого текста с другими источниками, поэтому информация о том, какие еще авторы пользовались теми же терминами и метафорами и кто на кого повлиял, в данном случае не имеет первостепенной значимости.

Третья группа ученых, занимающихся исследованием патристической литературы – это историки. Очевидно, что исследовательские задачи историков не совпадают с задачами аналитической истории античной философии: мы изучаем текст не для того, чтобы прояснять исторические факты. Напротив, мы, как и в случае с филологией, доверяем историкам в том, что их методы в достаточной мере позволили воссоздать исторический фон той эпохи, в которой создавались интересующие нас произведения, и мы по мере необходимости можем пользоваться результатами исторической науки. Более того, как уже было сказано ранее, мы даже не ставим свои реконструкции в прямую зависимость от исторических данных, полагая, что спекулятивная проблематика и принципы рациональной аргументации не находятся во власти социальных, экономических или политических обстоятельств жизни мыслителя.

К последней группе специалистов, обращающихся к патристическим текстам, следует отнести континентальных философов и историков философии, культурологов и религиоведов. Вряд ли можно рассматривать столь разнообразные исследовательские программы как единое целое, но что касается их интереса к патристике, то здесь наблюдаются две общие для них характерные черты. Во-первых, конечной целью всех этих направлений является построение обобщающих теорий, что выше было названо «телеологическим подходом». Патристика, как одна из наименее освоенных современной наукой областей европейского интеллектуального наследия, никогда не является отправной точкой для построения теории, поэтому о ней вспоминают лишь на финишном этапе, встраивая в уже заранее уготованное место. В связи с этим изучение текстов нередко превращается в отыскание отдельных фраз, которыми можно было бы подкрепить и без того завершенную картину. Во-вторых, ссылаясь на патристические тексты, эти исследователи предпочитают обращать внимание на догматическое содержание, и не проявляют особого интереса к аргументации. Другими словами, их интересует результат, а не процесс его получения и обоснования; мировоззрение, а не философия.

Что касается нашего подхода, то, во-первых, мы подходим к анализу текста с претензией на беспристрастность и отсутствие ангажированности, коль скоро мы не ставим перед собой сверхзадачи вписать мыслителя в какой-либо исторический процесс или дать ему оценку как «типичному представителю» какой-либо традиции. Во-вторых, нас интересует не метафизическая картина мира, учение о Боге или нравственные принципы, описанные в изучаемом тексте, а применяемые автором методы обоснования утверждений, способы построения теоретической модели и глубина проработки аргументации. В связи с этим наш проект имеет мало общего с упомянутыми направлениями континентальной гуманитарной науки.

Философский инструментарий и методы, разработанные аналитическими философами XX в., оказываются незаменимыми для решения поставленных нами задач. Эта методология включает в себя и способы формализации аргументов, и внимание

к синтаксису и логической семантике, да и просто некую повышенную требовательность к ясности языка и доводов. В конечном счете, аналитический историко-философский подход не сводится лишь к написанию формул, это, скорее, некий стиль или амбиция, основанные на презумпции нашей способности выявлять аргументацию, содержащуюся в древнем тексте, а также на презумпции рациональности автора этого текста, даже если сам текст посвящен религиозным проблемам.

Объектом нашего исследования на начальном этапе является текст: не несколько текстов, написанных разными авторами, и даже не собрание сочинений одного автора, а конкретный текст или его фрагмент, в котором излагается обоснование какого-либо тезиса, т. е. имеется явная или имплицитная полемика. Предметом исследования является содержащаяся в данном фрагменте аргументация, тогда как весь остальной материал – представленное учение, использованные понятия и метафоры и т. п. – расценивается лишь как вспомогательная информация. При этом под аргументацией подразумевается не только строгая логическая дедукция, но и индуктивные аргументы, а также другие способы обоснования своей точки зрения, даже, например, софизмы и риторические приемы. Анализ аргументации может включать в себя попытки логической формализации приведенных доводов, реконструкцию теоретической модели, в рамках которой проводится процедура обоснования, и оценку корректности и когерентности аргументов. Следует отметить, что зачастую текст не требует полномасштабного использования аналитического инструментария, он легко «поддается» даже обычному внимательному прочтению, нацеленному на выявление структуры аргументации. Слабая изученность патристических аргументов связана не с тем, что их реконструкция требует применения каких-то изощренных методов, а с тем, что историки философии просто не проявляют интереса к этой стороне их содержания. Нам же, например, даже без обращения к строгой логической формализации удалось показать, что высказанный Григорием Богословом запрет на философские рассуждения о Троице является лишь риторическим приёмом и не следует из его гносеологической позиции [Бутаков, 2012b]. Вдобавок было выяснено, что разница между отношениями «рождения» и «исхождения» в Троице в «Словах о богословии» того же Григория вызвана необходимостью терминологической дистинкции и не связана с какими-либо существенными различиями между этими отношениями [Там же]. Наконец, анализ тринитарных теоретических моделей Григория и Боэция показал, что привлечение ими аристотелевской категории отношения было обусловлено решением разных полемических задач, поэтому сходство их моделей ограничено лишь сходной терминологией [Бутаков, 2012a].

Итак, какой же все-таки интерес представляют для нас древние церковные тексты? Христианская литература начала формироваться в рамках академических стандартов эллинистического мира, что заставляло церковных писателей следовать общепринятым нормам греческой рациональности. Это значит, что даже если догматическое содержание христианских текстов было новым для античного читателя, способы аргументации все равно в целом не выходили за рамки общепринятых норм. Аналитический историко-философский подход к изучению патристики позволит выявить методы рационального обоснования суждений не на привычном материале греческой философии, а на текстах новой интеллектуальной традиции, возникшей на ее основании. Возможно, это позволит сделать выводы о наличии некоторых универсальных проблем философской аргументации, не зависящих от мировоззрения и метафизики, а также оценить новизну вклада христианских мыслителей в философскую методологию.

Безусловно, к области интересов нашего проекта относятся не только патристические тексты. И коль скоро мы имеем дело с текстами, пусть и философскими, они, разумеется, включают в себя много планов и могут быть оценены как с литературной точки зрения (слово «литература» мы здесь используем в широком смысле), так и с философской. Одни увидят в античном тексте способы выражения, образы, метафоры, мифологемы, юмор, степень соответствия определенному литературному жанру, и за всем этим постараются усмотреть то, что хотел *показать* или *передать* нам автор, – можно назвать этот вариант оценки текста драматическим. Другие, и к ним мы относим себя, обратят внимание на то, что философский текст полон аргументов, за которыми можно усмотреть, что и как хотел *доказать* автор. Разумеется, эти оба варианта оценки текстов не изолированы друг от друга, их можно комбинировать, но речь идет о том, на что в первую очередь ставятся акценты. Оставить без внимания аргументацию в тексте – значит отодвинуть в сторону значительный и существенный (для философского текста) пласт его содержания.

Соответственно, могут быть использованы два возможных варианта анализа текста на предмет содержания в нем аргументации: один – для тех текстов, которые либо фрагментированы, либо в них нет четкой аналитичной формы выражения (что не редкость для текстов античного и позднеантичного периода), он предполагает прежде всего реконструкцию аргументов из содержания текста. Другой – либо в продолжение этой работы, либо для тех текстов, где аргументация более четко прописана – собственно логический анализ аргумента, прибегая к соответствующей формализации, требующей наличия тезиса, посылок и заключения. По мере необходимости возможно использование конкретных технических языков и символической записи⁶ (в том числе – языков логики первого и высших порядков, языков различных модальных логик, языка специальным образом интерпретируемой алгебры⁷ и др.). За это нас также могут упрекнуть на тех же основаниях, на каких мы упрекаем приверженцев философской методологии в неправомерном использовании гегельянского или хайдеггерианского жаргона при интерпретации взглядов античных философов: не затемняет ли такой способ изложения содержания текста исследуемого философа, не затрудняет ли его понимание? Возможно, это создает определенные трудности, но никак не затемняет содержание. Дело в том, что язык Гегеля – это язык конкретной философии, конкретной концепции, со своими специфическими особенностями, задачами и понятиями, а формализованный язык – это универсальный философский инструмент, претендующий на отсутствие какой бы то ни было субъективности. Формализация дает возможность увидеть или реконструировать все компоненты аргумента (его посылки, шаги, заключение, следствия), оценить его внутреннюю структуру и состоятельность, а символическая запись – сделать этот аргумент более ясным и, что полезно, кратким.

Итак, мы рассмотрели суть аналитического подхода к истории античной философии, который сводится к выявлению имплицитной проблематики и структуры аргументации в конкретном тексте или фрагменте. Но любой философский текст создается не в условиях интеллектуального вакуума: он, как правило, полемичен. В

⁶ В качестве ярких примеров использования логической формализации при реконструкции учений античных авторов можно сослаться на работы: [Barnes, 1982; Dancy, 2004].

⁷ Примером использования формализмов первопорядковой модальной логики S5 для прояснения аргументации Гаспара де Рибанейры является недавно вышедшая статья: [Поляк, 2010]. В качестве примера использования двузначной алгебры в историко-философских исследованиях можно вспомнить работы В.О. Лобовикова, в частности: [Лобовиков, 2011].

основе философской дискуссии лежит некая единая проблематика и определенный набор аргументов, а это позволяет нам от анализа аргументации в отдельно взятых текстах перейти к следующему этапу: к выявлению связей между разными текстами. Эти связи дают возможность зафиксировать и сопоставить и оценить весомость тех средств убеждения (объяснений, аргументов), которые принимались и использовались разными философами в разные эпохи для решения сходных проблем.

Для того чтобы вести содержательный разговор о какой-либо проблемной или аргументационной связи между философскими произведениями, нельзя ограничиваться лишь неким интуитивным пониманием изложенных в них доводов, но необходимо подвергнуть намеченные тексты тщательной формализации. Ключевым элементом для этой процедуры является, как мы уже говорили, перевод рассматриваемых текстов на формальный или даже искусственный символичный язык. Разумеется, использование этих средств, в первую очередь искусственных языков с их специфическим синтаксисом и техническими терминами, неизбежно делает такой перевод текста его самостоятельной интерпретацией, возможно, исключающей другие, менее формальные интерпретации. Кроме того, при формализации текста нам придется принять вспомогательные посылки и допущения. Они необходимы, поскольку сами исходные тексты, являясь прежде всего литературными произведениями, а не учебником логики, написаны на естественном языке и не представляют собой набор строгих логически выверенных суждений. В зависимости от принятых нами допущений и посылок мы можем получить различные варианты интерпретации, но, что интереснее, они дополнят рассматриваемые тексты так, что в них будут видны постановка и анализ проблемы, а также аргументы в пользу одного или нескольких её решений.

Эта процедура предполагает уверенность в том, что проблемы и аргументы, которые историк философии выявляет в текстах, были проблемами и аргументами для самого рассматриваемого философа. Различные интерпретации одних и тех же текстов могут соответствовать различным наборам проблем, стоящих перед их авторами, а также предлагать различные варианты решений этих проблем, предпосылки рассуждений, аргументов и контраргументов. Философы здесь рассматриваются как встроенные в полемику по поводу проблем и аргументов, но эти проблемы и аргументы не задаются однозначно. Необходимым условием полноты понимания текста является не наличие хотя бы одной его интерпретации (определяемой предпочтениями историка философии), но наличие нескольких альтернативных интерпретаций, а также встроенность этих интерпретаций в аргументированные философские дискуссии – споры философа с его предшественниками и современниками. Полнота нашего понимания философских текстов увеличивается по мере добавления новых интерпретаций, указывающих на новые и интересные ходы в дискуссии. При таком соотношении философских текстов имплицитно содержащаяся в них проблема должна содержать несколько решений, список которых выглядит как исчерпывающий, и ни одно из решений не выглядит как обладающее исключительным преимуществом над другими. Это значит, что сама проблематика требует принципиального расширения списка рассматриваемых произведений и авторов и не позволяет ограничиваться лишь теми, кто связан с каким-то одним из нескольких возможных решений.

Выделенные проблемы и аргументы в пользу тех или иных решений дают нам основание делать выводы о существовании структурных связей между философскими текстами. Благодаря обнаруженным сходствам в структуре аргументации мы можем

констатировать наличие неких сквозных или универсальных философских проблем и процедур поиска их решений, а также проследить их разработку в истории философии. Формализованная аргументация позволяет рассмотреть структуру философских концепций без привязки к специфике конкретных задач, волновавших древних мыслителей. Вдобавок, немаловажным историко-философским результатом применения этого подхода будет выявление новых примеров использования философами разработок их предшественников и обнаружение ранее не отмеченных направлений философского преемства.

Помимо решения собственно историко-философских задач, связанных с интерпретацией античных текстов и реконструкцией философских учений, формализация содержащейся в текстах аргументации открывает дополнительные возможности и для философского осмысления самих путей доказательства. Этот способ тоже подразумевает связь текстов через их интерпретации, основанные на проблемах и аргументах, но предполагается, что в этом случае для установления связи привлекаются также и дополнительные посылки и допущения самого исследователя. Если в первом случае акцентируются только такие интерпретации текста, проблемы и аргументы, которые, предположительно, имели в виду сами рассматриваемые философы, то во втором случае допустимо подключение к ним проблем и аргументов, не вытекающих напрямую из текста.

В первом случае, когда мы не выходим за пределы древних текстов, мы нередко сталкиваемся с «тупиковыми» ситуациями. Допустим, мы, проделав все предусмотренные процедуры, усмотрели в некотором тексте аргумент, который можно использовать для определённого решения некоторой проблемы. Далее этот аргумент подвергается логическому и философскому анализу, в результате которого выясняются его слабые стороны (довольно часто философы плохо формулируют аргументы, пропуская посылки, шаги, а логический анализ этих аргументов способен выявить эти слабые места). Аргумент может оказаться логически некорректным, претензии на невозможность уклониться от принятия какой-либо из его посылок могут оказаться безосновательными и т.д. После этого аргумент можно «списать в архив», заявить, что он представляет только «исторический интерес», являясь лишь «памятником философской мысли», хотя, возможно, и признав его значение для развития философии «на определённом историческом этапе».

Однако можно поступить с этим аргументом иначе: можно попытаться самостоятельно его доработать, прояснив, обобщив или усилив. Полученный результат уже не будет совпадать с исходным аргументом, в нём может идти речь «о чём-то совершенно другом», но при этом философская значимость нового аргумента может быть выше, чем у исходного. Тем не менее, исходный аргумент будет находиться с новым в некоторой связи, которую можно назвать «логической». Эта «логическая связь» противопоставляется «исторической», «терминологической», «лингвистической», «культурной» связям различных текстов, их авторов, и обстоятельств их написания, хотя все эти связи могут быть полезны для выдвижения предположений о «логической» связи. Целью исследования в этом случае является «логическое» связывание различных текстов, даже если окажется, что эти тексты никаким иным способом друг с другом не пересекаются.

Говоря о «логической» связи, мы не ограничиваем её, например, только отношением выводимости между суждениями. Различные философские тексты оказываются «логически» связанными друг с другом через проблемы и аргументы, которые

могут быть порождены посредством философской критики их интерпретаций, но вряд ли можно сказать, что эти проблемы и аргументы являются лишь результатом формализации самих текстов, или что они содержатся в этих текстах. Установленная «логическая» связь зависит от многих допущений: от выбора того языка, на который переводятся избранные для рассмотрения философские тексты, от выбора дополняющих посылки, доводящих рассуждение до полноценного умозаключения, от выбора способа перехода от менее общего или менее совершенного аргумента к более общему или совершенному. Эта процедура не может быть однозначно задана формально, она может быть названа «наведением» в одном из тех смыслов, которые придавал этому термину Аристотель.

Но такой подход способен выявлять не только сходство формальной структуры аргументов в интерпретациях различных текстов, он способен также выстраивать продуктивную полемику между различными интерпретациями, проследить такие связи между текстами, которые вряд ли удалось бы проследить с помощью других подходов. Например, эти связи выявляются между рассуждениями Зенона Элейского⁸ и Парменида⁹, если интерпретировать их как доказательства *a contrario* немыслимости сложного, которые, в свою очередь, понимаются как частные случаи более общего доказательства немыслимости «отношений» или «связей»¹⁰. Можно предложить также и интерпретации некоторых текстов других авторов, сводимые к этому общему доказательству. В качестве примеров таких текстов можно назвать первую часть платоновского «Парменида»¹¹, где указывается на трудности, возникающие при попытке связать идеи и вещи¹², а также отдельные тексты Уильяма Оккама, где речь идет о немыслимости «отношений» и «универсалий» как «реальных»¹³. Помимо этого, многие платоновские тексты о мире Ума¹⁴ трактуются как содержащие доводы против общего доказательства немыслимости «отношений»¹⁵. Подобные процедуры позволяют вывести обсуждение философской проблематики на новый, более высокий уровень.

Подытоживая, можно сказать, что цель историко-философских исследований, следующих представленному в настоящей статье подходу, состоит в выявлении имплицитной аргументации и проблематики текстов и установлении логических связей между ними. Древние философские тексты не рассматриваются изначально как интеллектуально беспомощный «детский лепет» человечества. Вполне может оказаться, что благодаря доброжелательным переводам и интерпретациям мы, наконец, сможем предьявить значимые и непреходящие аргументы, бросающие вызов самым изощренным умам современности.

⁸ 29 В 2 ДК.

⁹ По меньшей мере, в двух местах его поэмы: 28 В 8.19–21; 8.29–30 ДК.

¹⁰ О такой интерпретации аргументации Парменида и Зенона см. [Берестов, 2011а: с. 135–142; 2011b: с. 132–134; 2012: с. 123–125]. Некоторые основания в пользу такой интерпретации Парменида (28 В 8.29–30 ДК) приведены в [Manchester, 1979: p. 92].

¹¹ *Parm.* 130b1–7; 131b1–2; 132b3–c10; 133c3–6; 133e4–5; 134e8–135a2; 135b2–c2.

¹² «Парменид» является одним из наиболее популярных диалогов у сторонников аналитической истории античной философии. См., например, [Plato's *Parmenides*, 2003].

¹³ *Scriptum in librum primum Sententiarum (Ordinatio)* 30.1, см. лат. текст и русский перевод некоторых фрагментов из этого раздела в [Суини, 2001: с. 252–253]. См. также: [Cross, 1999: p. 154].

¹⁴ См. V.8.4, 34–35; V.9.5, 9–10; V.9.6, 3–4; VI.2.22, 13–19; VI.4.2, 17–25.

¹⁵ Интерпретация платоновского учения о мире Ума приведена в статье: [Берестов, 2012].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахутин А.В.* Другому как понять тебя? Реплика к статье С. Муравьева // Логос. – 2011. – № 4 (83). – С. 29–40.
- Берестов И.В.* Принцип «неразличимости тождественных» в парменидовском обосновании немислимости множественности и различий в сущем // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. – 2011а. – Т. 9. – № 3. – С. 135–144.
- Берестов И.В.* *Regressus ad infinitum* в обосновании Зеноном Элейским немножественности сущего // Вестн. Томск. гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2011b. – №4(16). – С. 131–145.
- Берестов И.В.* Элеатовские аргументы против множественности сущего в концепции мира Ума Плотина // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2012. – Т. 10. – №. 4. – С. 122–133.
- Бутаков П.А.* Категория отношения в раннехристианской триадологии // Вестник НГУ. Серия «Философия». – 2012а. – Т. 10. – Вып. 4. – С. 134–141.
- Бутаков П.А.* Роль иррационалистической аргументации в творениях Григория Назианзина // Вестник НГУ. Серия «Философия». – 2012b. – Т. 10. – Вып. 2. – С. 163–171.
- Вольф М.Н.* Философский поиск: Гераклит и Парменид. – СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – 382 с.
- Вольф М.Н., Берестов И.В.* Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2007. – Том 1. – Вып. 2. – С. 203–246.
- Довгополова О.А.* Міркування щодо методу аісторичного реконструювання // Філософська думка. – 2012. – № 6. – С. 94–98.
- Лобовиков В.О.* Учение Парменида и Мелисса о небытии движения и «Гильотина Д. Юма» с точки зрения двузначной алгебры метафизики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 2 (14). – С. 130–138.
- Морескини К.* История патристической философии. – М.: Издательство «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 2011. – 864 с.
- Муравьев С.Н.* Слышим ли мы Гераклита? Или так нам только кажется? // Логос. – 2011. – № 4 (83). – С. 3–28.
- Поляк Г.* Затосування модальної логіки в дослідженні схоластичної метафізики // Філософська думка. – Sententiae. – Історико-філософський спецвипуск. – 2010. – Т. I. – Антична і середньовічна філософія. – С. 138–144.
- Суини М.* Лекции по средневековой философии. – Выпуск 1: Средневековая христианская философия Запада. – М.: ГЛК, 2001. – 304 с.
- Фрагменты ранних греческих философов. – Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – Издание подготовил А. В. Лебедев. – М.: Наука, 1989. – 576 с. (в ссылках – ФРГФ).
- Щербакова Е.А.* Об одной Платоновской шутке (Гераклитовский поток в свидетельствах Платона) // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. – 2012. – Том V. – С. 157–167.
- Analytic Theology: New Essays in the Philosophy of Theology / Eds. by Crisp O. D. and Rea M. C.* – Oxford: Oxford University Press, 2009. – x+316 pp.
- Barnes J.* The Presocratic Philosophers. The Arguments of the Philosophers / Ed. by T. Honderich. – London, New York: Rutledge, 1982. – 728 p. (First published in two volumes in 1979).
- Cross R.* Ockham on Part and Whole // Vivarium. – 1999. – Vol. 37. – Iss. 2. – P. 143–167.
- Dancy R. M.* Plato's Introduction of Forms. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – xii, 348 p.
- Graham D.W.* Explaining the Cosmos. The Ionian Tradition of Scientific Philosophy. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006. – 368 p.
- Lloyd A. C.* The Anatomy of Neoplatonism. – Oxford: Oxford University Press & Clarendon Press, 1998. – 208 p.

Manchester P.B. Parmenides and the Need of Eternity // *The Monist.* – 1979. – Vol. 62. – №. 1. – P. 81–106.

Plato's *Parmenides*: Translated with Introduction and Commentary by Samuel Scolnicov. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2003. – 193 p.

Стаття одержана редакцією 02.03.2013

Marina Volf, Pavel Butakov, Igor Berestov

Analytic History of Ancient Philosophy

The paper discusses the peculiarities of the analytic approach to the history of Ancient philosophy in the context of other, more popular approaches and genres. This approach is based on finding out an implicit argumentation and problems in the philosophical texts, and establishing logical connections between them. The paper also considers the perspectives of application of this approach to patristic texts. In addition, it shows the necessity of formalization and symbolization in the analytic history of philosophy.

Marina Volf, Doctor of sciences in philosophy, assistant professor, head of the department of the history and philosophy of science in the Institute of philosophy and law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

Pavel Butakov, PhD in philosophy, senior research fellow of the history of philosophy department of the Institute of philosophy and law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

Igor Berestov, PhD in philosophy, senior research fellow of the history of philosophy department of the Institute of philosophy and law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

Марина Вольф, д. філос. н., доцент, завідувач кафедри історії та філософії науки Інституту філософії та права Сибірського відділення Російської АН (Новосибірськ, Росія).

Павло Бутаков, к. філос. н., старший науковий співробітник сектору історії філософії Інституту філософії та права Сибірського відділення Російської АН (Новосибірськ, Росія).

Ігор Берестов, к. філос. н., старший науковий співробітник сектору історії філософії Інституту філософії та права Сибірського відділення Російської АН (Новосибірськ, Росія).

Марина Вольф, д. філос. н., доцент, зав. кафедрой истории и философии науки Института философии и права СО РАН (Новосибирск).

Павел Бутаков, к. филос. н., старший научный сотрудник сектора истории философии Института философии и права СО РАН (Новосибирск).

Игорь Берестов, к. филос. н., старший научный сотрудник сектора истории философии Института философии и права СО РАН (Новосибирск).
